

Мо Сяобай закончил тренировку и только собрался спуститься с каната, как услышал, что Мо Чэнь молит о пощаде. Его сердце дрогнуло: неужели старший брат вернулся? Так быстро?

Он вздрогнул, и движение, с которым он собирался спускаться, замерло. Опустив взгляд на землю, он увидел, что брат действительно вернулся и стоит рядом с Мо Яо. Неужели они собрались уходить?

В душе Мо Сяобая возникла паника. Стоявший позади курсант, заметив, что тот замер, толкнул его, намереваясь поторопить. Но Мо Сяобай, присевший на край каната, погрузился в свои мысли и совершенно потерял бдительность. От этого толчка он разжал левую руку, державшуюся за опору, и стремительно полетел вниз. Казалось, падения с высоты ста метров не избежать.

Он ловко развернулся в воздухе, вытянул руку и намертво вцепился в канат. Вес всего тела пришелся на правую руку, и от этого резкого рывка весь канат задрожал.

На канате стояла целая шеренга курсантов. До этого они держались уверенно, но теперь, застигнутые врасплох, зашатались, готовые вот-вот сорваться с высоты.

Мо Сяобай нахмурился, сжал зубы, бросил взгляд на землю и, глубоко вдохнув, решительно отпустил канат.

Его гибкое тело несколько раз перевернулось в воздухе, словно грациозный тюлень, танцующий под синим небом, а затем... он тяжело рухнул вниз.

Скорость была подобна обнаженному мечу, летящему прямо к земле.

Мо Сяобай крепко зажмурился.

Грохот!

Э?

Почему нет боли, которую он ожидал почувствовать?

Он был готов к худшему: даже с его гибкостью после падения с такой высоты он в лучшем случае остался бы калекой!

Но сейчас...

Мо Сяобай открыл глаза и увидел перед собой роскошную черную ткань. Полы одежды цвета

воронова крыла непрерывно дрожали, выдавая волнение и тревогу хозяина. Две стальные руки крепко сжимали его в объятиях, напряженные мышцы груди, обжигающее прикосновение и учащенное дыхание — все это свидетельствовало о том, что владелец объятий охвачен небывалым ужасом.

Оказалось, что в момент его падения был человек, который испугался еще сильнее, чем он сам.

Это его старший брат поймал его и теперь прижимал к груди, оберегая, словно новорожденного младенца.

Уголки губ Мо Сяобая слегка приподнялись, он потерся головой о грудь Мо Яо, плотно прижавшись к ней.

В нос ударил аромат старшего брата — густой и властный. Он проникал в легкие, но этого казалось мало, он стремился просочиться в самую глубину души. Такая жгучая погоня заставляла его немного робеть.

Беспорядочный стук сердца у самого уха лишь усиливал этот страх.

Мо Сяобай сделал несколько глубоких вдохов, а затем затаил дыхание. Он отодвинулся от груди Мо Яо и только хотел оттолкнуть его, чтобы встать на землю, как его снова крепко прижали к себе и одним прыжком отнесли на два метра в сторону.

Бах! Бах!

Раздались два выстрела. Пули подняли пыль с земли, а гильзы упали ровно в то место, где они стояли секунду назад. Мо Сяобай мгновенно побледнел и поднял взгляд на Мо Яо.

Здесь, в тренировочном лагере, кто-то... хотел его убить?

Мо Яо почувствовал его взгляд, нежно погладил по спине и едва слышно прошептал, и в его голосе прозвучала небывалая мягкость:

— Не бойся, все хорошо.

Я не позволю тебе пострадать.

Мо Сяобай кивнул, почувствовав некоторое спокойствие. Мо Яо прищурился, резко обернулся к курсантам на канате, и от него повеяло ледяной жадой убийства.

Курсанты на канатах вздрогнули. Даже с такого расстояния, не видя выражения лица Мо Яо,

они ощущали исходящую от него угрозу. Все знали, что это его самый драгоценный младший брат. Те, кто несколько лет назад посмел тронуть Мо Сяобая, либо погибли, либо были изгнаны из лагеря — никто не остался в живых.

На огромном тренировочном плацу воцарилась мертвая тишина.

Каждый курсант затаил дыхание, боясь пошевелиться. Если бы это было возможно, они предпочли бы всю жизнь провести на этих канатах, лишь бы никогда не спускаться вниз и не встречаться с Мо Яо лицом к лицу.

Но судьба была к ним неблагоприятна.

— Все вниз.

Холодный, низкий приказ прозвучал как смертный приговор, ударив по сердцу каждого. Курсанты вздрогнули, а затем, по двое-трое, начали дрожащими руками спускаться вниз.

— Ого, Мо Сяобай, ты что, инвалидом стал? Решил так и висеть на руках у старшего? — Е Вэй неспешно подошла к ним, а Мо Чэнь подбежал следом, встревоженно спрашивая: — Сяобай, ты в порядке?

Мо Сяобай покачал головой, только сейчас осознав, что все еще зарыт в объятиях старшего брата. Он смущенно попытался оттолкнуть Мо Яо, но тот не поддался, продолжая крепко держать его в своих стальных объятиях.

Мо Сяобай поднял голову и с удивлением посмотрел на него. Напряжение в теле Мо Яо немного спало, и он бережно опустил его на землю, словно обращаясь с хрупким фарфором, который мог разбиться от малейшего лишнего усилия.

Е Вэй скривила губы:

— Мо Сяобай, живучий ты, однако! Упал с такой высоты и ни царапины, а следом две пули — и снова мимо... — она насмешливо улыбнулась: — Скажи, это тебе так везет или твой рыцарь-защитник настолько силен?

— Конечно, второе! — не дожидаясь ответа Сяобая, выпалил Мо Чэнь.

Как только ноги Мо Сяобая коснулись земли, он попрыгал на месте. Сказать, что он не испугался, было бы ложью — в тот момент, когда он летел вниз и смотрел на далекую землю, у него подкосились ноги. Хорошо, что старший брат поймал его, иначе он бы точно стал калекой!

В душе он был немного благодарен своему старшему, но гордый Мо Сяобай ни за что бы в этом

не признался! Он вскинул подбородок и надул губы, возразив:

— Мама, старший брат, это все потому, что у меня отличная реакция! Если бы я не перевернулся в воздухе, как бы старший смог меня поймать? Правда ведь, старший?

Мо Сяобай повернулся к Мо Яо, задрал голову в ожидании подтверждения. Мо Яо с любовью улыбнулся:

— Да, у тебя отличная реакция.

Получив одобрение, Мо Сяобай стал еще увереннее и с победным видом посмотрел на Е Вэй и Мо Чэня, напоминая павлина, готового распушить хвост и похвастаться своей гордостью.

Мо Чэнь не удержался от подколки:

— Тьфу! Мо Сяобай, чего ты радуешься? Если бы не стар...

Слово «старший» еще не успело сорваться с его губ, как ледяной взгляд Мо Яо заставил его мгновенно замолчать. Он перевел взгляд на центр плаца: все курсанты уже спустились и выстроились в ряд.

Четверо подошли ближе. Мо Яо незаметно для всех сделал шаг в сторону, прикрывая собой половину тела Мо Сяобая.

Недалекий Мо Сяобай этого не заметил, но Е Вэй все видела. Она мысленно вздохнула: старший — настоящий идеал мужчины, сильный, непобедимый, внимательный и заботливый. Он — эталон совершенства, и Мо Сяобаю чертовски повезло! Она даже не надеялась, что в будущем Мо Сяобай приведет кого-то лучше, чем Мо Яо.

Хотя, постойте! Невестку? Или зятя?!

Не может быть! В прошлый раз она видела, как Мо Яо оказался в подчиненном положении, так что, может, все-таки невестку?

Е Вэй окончательно запуталась. Она твердо решила, что в будущем обязательно установит камеру в спальне этих двоих, чтобы наконец выяснить, кто из них в этой паре зять, а кто невестка!

Четверо подошли к строю и встали перед ним. Их холодные взгляды по очереди скользнули по курсантам. Те невольно опустили головы, стояли по струнке, ни живы ни мертвы. Вся их прежняя дерзость испарилась, им хотелось лишь спрятаться в панцирь и никогда оттуда не вылезать.

Мо Яо стоял рядом с Мо Сяобаем, молчаливый, с взглядом острым, как лезвие ножа.

Еще до того, как он выпустился, в лагере никто — ни мужчины, ни женщины — не смел к нему приближаться. Теперь, спустя три месяца, в нем добавилось еще больше спокойной и подавляющей силы. От него исходила такая холодная, темная мощь, что на него было страшно смотреть, хотелось лишь склониться к его ногам.

Курсанты еще ниже вжали головы в плечи.

Мо Яо стоял, заложив руки за спину, и долго изучал присутствующих. Наконец, первой заговорила Е Вэй:

— Правила лагеря вам известны.

Она подошла к строю, слегка усмехнувшись:

— Если кто-то вам не по душе — вызывайте на бой, бейтесь поодиночке или толпой, как хотите. Даже если вы забьете кого-то до смерти, никто слова не скажет — значит, он просто был слаб и не умел драться! Но... — Е Вэй холодно хмыкнула: — Стрелять в спину? Вы, идиоты, ищите смерти!

Ледяной голос, каждое слово которого отдавалось в ушах, заставил всех курсантов содрогнуться. В их представлении Е Вэй была дьявольским инструктором — жестокой, беспощадной, не считающейся с жизнями курсантов, но такой ярости они от нее еще не видели.

На тренировочном поле воцарилась гнетущая тишина, не было слышно даже дыхания.

— Кто стрелял? Выходи.

Курсанты стояли, дрожа и не смея пошевелиться. Е Вэй насмешливо улыбнулась:

— Что такое? Хватило духу выстрелить в спину, а признаться — кишка тонка?

Этот ледяной голос в сочетании с полуулыбкой делал ее похожей на ведьму, стоящую на краю ада и заманивающую грешников в бездну.

Все занервничали и невольно отступили на шаг назад.

В центре остался лишь один худощавый курсант с темной кожей. Мо Сяобай широко раскрыл глаза и подбежал к нему:

— Это ты? Баклажан, это ты в меня стрелял?

Услышав прозвище Баклажан, Мо Яо нахмурился, сделал несколько шагов вперед и низким голосом спросил:

— Ты — Нила?

Нила опустил голову еще ниже, так что подбородок уперся в ключицы, руки его дрожали, и он издал тихое, похожее на жужжание насекомого, бормотание:

— Да, меня зовут Нила.

Мо Сяобай схватил Нилу за руку, не в силах поверить:

— Баклажан, почему ты стрелял в меня? Ты хотел убить меня?

Нила испуганно замотал головой. Мо Яо, почувствовав раздражение, дернул Мо Сяобая за руку, притягивая к себе. От неожиданного рывка тот навалился на него.

Сяобай поправился и, ударив кулаком в грудь Мо Яо, возмущенно спросил:

— Зачем ты меня дергаешь? Я же разговариваю с Баклажаном!

— Его зовут Нила!

— А я буду звать его Баклажан! Он выглядит как баклажан!

— Мо Сяобай! Его зовут Нила!

В голосе прозвучала нотка гнева. Мо Сяобай скривил губы:

— Нила так Нила, чего злиться-то! — он дернулся, пытаясь высвободиться: — Отпусти! Ты мне руку давил!

Мо Яо тут же разжал пальцы, и голос его смягчился:

— Ты в порядке?

— Хм!

Мо Сяобай отвернулся и перестал обращать на него внимание.

Мо Чэнь закатил глаза. Ну что за время выбрали? Вы бы еще поцеловались здесь, голубчики!

Е Вэй подошла ближе и спросила:

— Нила, это ты стрелял?

Нила кивнул, а затем резко поднял голову. Вокруг глаз у него расплылось красное пятно:

— Инструктор, я правда не хотел! Все уже закончили тренировку, а у меня оставалось еще два патрона. Я целился в мишень внизу, но когда увидел, что Мо Еянь падает, мое внимание переключилось на него, и я... случайно нажал на курок.

Случайно? Нажал на курок?

И попал так точно?

Мо Яо приподнял бровь, явно не веря.

— Ой! — Мо Сяобай снова подбежал к нему: — Бакла... Нила! Тебя задело серебряными иглами?

Мо Яо подошел следом и увидел, что в левую сторону груди курсанта воткнуты две серебряные иглы. Он вытащил одну — глубина проникновения была четыре сантиметра. Если бы тот не был готов, игла вошла бы еще глубже.

В глазах Мо Яо блеснул холодный свет. Он хотел что-то сказать, но Мо Сяобай опередил его:

— Нила, ты правда не хотел этого делать?

Нила испуганно вцепился в рукав Мо Сяобая и посмотрел прямо на него. В его глазах читались тревога и искренность:

— Мо Еянь, прошу, поверь мне. Я просто смотрел, что с тобой случилось, и не заметил, как ствол оказался направлен на тебя. Еянь, я правда не хотел!

Мо Сяобай посмотрел на него, помолчал несколько секунд и слегка кивнул:

— Хорошо, я верю тебе.

Все четверо на плацу замерли. Даже курсанты сзади подняли головы, ошарашенно глядя на Мо Сяобая. Глаза Нилы наполнились слезами. Мо Чэнь сделал резкий шаг вперед:

— Мо Сяобай! Ты так легко ему веришь? Он выпустил в тебя две пули! Две! Если бы старший не закрыл тебя собой, ты бы сейчас мог здесь стоять? А теперь он говорит, что это случайно, и ты веришь?

— Мо Сяобай, ты всегда больше всего дорожил своей жизнью, с чего вдруг стал таким доверчивым? Этот Нила — новичок, который пришел всего пару дней назад, с чего бы вам быть такими друзьями, чтобы ты так легко ему поверил?

Мо Чэнь гневно обвинял Сяобая в наивности, его переполняла ярость, он готов был разорвать Нилу на части. Кто-то посмел стрелять в Мо Сяобая у них на глазах — и неважно, случайно или нет, такое прощать нельзя!

Мо Сяобай робко посмотрел на Мо Яо.

Брови Мо Яо были сдвинуты, лицо мрачнее тучи, а в темных глазах бушевал шторм. Он не сводил с брата пристального взгляда.

Мо Сяобай подошел к нему, дернул за край одежды и тихо прошептал:

— Старший, я же говорил, что Нила бедняга. Прости его в этот раз, пожалуйста, ладно?

Видя, что Мо Яо молчит, Мо Сяобай обнял его за руку и начал раскачивать, делая самое милое и послушное лицо:

— Брат, ну посмотри, я же в порядке! С тобой рядом со мной ничего не случится. Да хоть десять пуль, хоть двадцать — они все равно в меня не попадут! Не преследуй его больше, хорошо?

Гнев в глазах Мо Яо немного утих. Глядя на умилительную физиономию Мо Сяобая, он не мог злиться, как бы ни хотел. Взгляд его смягчился.

Е Вэй, сложив руки на груди, насмешливо улыбнулась и подошла к Ниле:

— Нила? Что ты говорил мне, когда только пришел в лагерь?

— Докладываю, инструктор! Нила тогда поклялся именем бога Черного дерева, что будет строго соблюдать дисциплину лагеря, терпеть все тяготы тренировок и никогда не подведет инструктора!

— Хорошо, — Е Вэй приподняла бровь: — Раз так, с сегодняшнего дня ты покидаешь Ближний Восток!

Покидаешь Ближний Восток?

Нила с глухим стуком упал на колени:

— Инструктор, это моя вина, наказывайте как хотите! Но умоляю, не выгоняйте меня! Бабушка с таким трудом устроила меня сюда. За эти месяцы в лагере я впервые почувствовал себя человеком. Таким же, как все: из плоти и крови, со своей собственной душой. Мне больше не нужно терпеть презрительные взгляды и жить подачками...

Он поднял голову на Е Вэй, в его глазах читалось отчаяние и унижение, а прозрачные слезы

текли по темным щекам.

— Инструктор, Мо Еянь — мой единственный друг здесь. Он не такой, как другие курсанты, никогда не пользовался своей силой, чтобы унижать меня, и часто делился едой... Бабушка говорила, что в пятнадцать лет, когда я попаду в лагерь, я встречу благородного человека. Она ведьма, которую все ненавидят, она напроорочила смерть моим родителям, и я ей не верил. Но оказалось, что я действительно встретил своего благодетеля.

— Инструктор, Мо Еянь считает меня другом, я испытываю к нему только благодарность, как я мог стрелять в него? Я правда не хотел! Пожалуйста, поверьте мне! Не выгоняйте меня!

Нила уперся руками в землю, распростершись у ног Е Вэй, и начал бить поклоны.

Бум! Бум! Бум!

Звук ударов головой о землю был отчетливо слышен всем. Мо Сяобай не выдержал:

— Мама...

Е Вэй молчала. Правила лагеря суровы: за выстрел в спину — исключение, и никого не волнует, случайно это было или нет.

Мо Сяобай, не зная, что делать, с мольбой посмотрел на Мо Яо, схватил его за руку и принялся трясти, надув свои пухлые губки, умоляя придумать хоть что-нибудь.

Мо Яо посмотрел в его влажные глаза и приподнял бровь.

Что он мог сделать? Это тренировочный лагерь, и если вторая тетушка что-то решила, кто может это изменить? Даже его мама не могла повлиять на ее решение, что уж говорить о нем!

Он поднял другую руку и успокаивающе похлопал Мо Сяобая по тыльной стороне ладони. Сухая ладонь прижалась к нежной коже, и беспокойство в сердце Сяобая, казалось, улеглось. Он просто положил обе руки в ладонь Мо Яо и перестал их трясти.

Почему он раньше не замечал, что ладони старшего брата словно веют прохладой, будто после летнего дождя, принося ему невероятный покой?

Мо Яо крепче сжал его маленькие ладошки, невольно потирая их, наслаждаясь их мягкостью. Грубые мозоли на его ладонях нежно скользили по нежной коже рук Сяобая, отчего тому становилось щекотно. Он хотел выдернуть руки, но не мог заставить себя разорвать этот приятный контакт.

Сегодня он пережил слишком много неожиданностей и потрясений, и только сейчас его сердце наконец обрело покой в ладонях старшего брата.

Это чувство абсолютной безопасности мог дать ему только этот человек. С самого детства, каждую секунду, он не жалел сил, чтобы оберегать его. У Мо Сяобая защипало в носу, и он невольно прижался к Мо Яо.

Мо Яо подумал, что он все еще переживает за Нилу, крепче сжал его руки и прошептал ему на ухо:

— Не волнуйся. Если хочешь, чтобы он остался — я заберу его в Мафию.

Мо Сяобай послушно кивнул, а потом покачал головой, не понимая: разве старший не ненавидит Нилу? После случившегося даже брат, скорее всего, не захочет его видеть. Почему он хочет отправить его в Мафию?

Мо Яо смотрел на него, и в его глазах светилась безграничная нежность.

Глупыш, все, что ты хочешь — я исполню. Все, что тебе дорого — я сберегу.

Я не хочу, чтобы ты хоть на мгновение расстроился.

<http://bllate.org/book/22270/2331515>